

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

5 ФИЗРУК

НА СВОЕЙ ВОЛНЕ

18+

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 5

«Автор»

2026

Гуров В.

Физрук. На своей волне 5 / В. Гуров — «Автор», 2026

Матёрый, но правильный авторитет из девяностых погибает. Его сознание переносится в наше время, в тело обычного школьного физрука. Завуч трясёт отчётность, родители собачатся в чатах, а «дети» залипают в телефонах и качают права. Но он не привык прогибаться. Только вместо пистолета у него свисток, а вместо верных братков — старшеклассники-недотёпы, которые и отжаться толком не умеют. А еще впереди — областная олимпиада, и если школа ее не выиграет, то ее грозятся закрыть.

© Гуров В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Г	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Валерий Гуров

Физрук. На своей волне 5

Глава 1

По всей видимости, Лёня внезапно стал самостоятельным стратегом. Причём настолько, что успел забыть, как ещё совсем недавно просил меня вытащить и его, и школу из той глубокой ямы, в которую сам же её и загнал.

Подход, мягко говоря, специфический. Но главное — абсолютно проигрышный и к благу школы точно отношения не имеющий.

Я смотрел на Лёню и по-прежнему видел перед собой не директора, а того самого пацана, за которым присматривал тридцать лет назад. И сейчас этот пацан примерял на себя взрослый тон, который из его рта звучал просто нелепо.

Я помолчал, несколько секунд ритмично постукивая подушечками пальцев по столешнице.

— Лёня, а вот мне кажется, что ты сейчас сказал — и не подумал, что именно сказал, — возразил я. — Я понимаю, что у тебя накопилась усталость, дел у тебя — завались. Ответственность большая и нервы натянуты как струны... но давай поступим иначе.

— Иначе — это как? — спросил директор, пытаясь понять, куда я клоню.

— Иначе, Лёня, это так, что я сделаю вид, будто не услышал тот высер, который только что вылетел из твоего рта. А ты, начиная с этой секунды, повторишь всё заново — но уже по-человечески.

Лёня опешил. Лицо у него вытянулось.

— Ч-чего?!!

Лёня хотел возразить, но я не стал ждать, пока у него созреет первая попытка.

— Я достаточно ясно выразился? Или всё-таки переформулировать?

Он машинально потянулся к чашке, но тут же вспомнил, что кофе обжигающе горячий, и отдернул руку. Затем начал теревить галстук, явно нервничая. Глаза заматались — он явно не понимал, с какого конца вообще начинать отвечать.

— Я тебе, Лёня, просто для общего понимания напомним одну вещь, — продолжил я, не повышая голоса. — У нас не просто класс. У нас класс очень даже специфический. Это ребята, которым досталась тяжёлая жизнь, у каждого — своя история, свои проблемы и раны, которые они маскируют дурью, грубостью и прочим дерьмом.

Директор молчал, слушал, не перебивая, и это уже было неплохо.

— И поверь мне, — продолжил я, — то, что они вообще стали управляемыми, что их перестало колбасить из стороны в сторону — это, Лёня, не твоя заслуга. Ни в какой форме.

Директор поправил галстук внимательно слушая.

— Это прямая заслуга Марины. Их классной руководительницы, которая вкладывается в них так, как ты даже не замечаешь. И если Марины не будет, — продолжил я, не оставляя ни намёка на двусмысленность, — то я тебе практически гарантирую, что парни и девчата из 11 «Д» сорвутся с катушек быстрее, чем ты успеешь подписать приказ об её увольнении.

Я замолчал, и Лёня правильно понял, что теперь его очередь говорить.

— Владимир, я прекрасно понимаю, о чём вы, — начал он. — Но... у нас есть определённые причины, по которым мне пришлось пойти на такое непопулярное решение. Я же не просто так попросил её написать заявление об увольнении. У каждого решения есть свои предпосылки, и мы тоже должны с ними считаться...

Он говорил негромко, будто опасался, что любое неверное слово может меня взорвать. Но я молчал, внимательно слушал, не перебивал, и это придало ему смелости. Директор сделал короткий вдох и продолжил.

— Я прекрасно понимаю риски, — сказал он. — И понимаю, что это решение вызовет крайне негативную реакцию среди школьников. Но именно поэтому я и подчеркнул, что у нас с вами разные должности. И... мне известно больше о внутренних проблемах школы. О тех, что не лежат на поверхности. Но это не означает, что их нет.

Вот это уже было ближе к делу.

Наконец-то Леонид произнёс что-то, что хотя бы намекало на конкретику, а не упиралось в общие фразы.

Внутренние проблемы школы. Те, о которых я якобы не знаю. Ну, если не знаю — тем более интересно услышать, каким именно знанием директор так гордо размахивает и почему оно вдруг оправдывает увольнение классного руководителя ключевого класса.

— Лёня, ты мне голову сейчас не пудри. Скажи просто, по-русски и внятно — на кой чёрт ты собрался её увольнять? Ты бы лучше помог девчонке, учитывая её непростую ситуацию. Ты же, Леонид, при всём к тебе уважении, не Сталин, — я хмыкнул, — и формулировка «нет человека — нет проблемы» — это, мягко говоря, точно не про тебя.

— Владимир...

— Я Владимир, а ты не ломай мне тут комедию. Давай конкретно: что это за такие проблемы у школы, которые можно решить только увольнением учительницы?

Лёня отрывисто закивал, показывая, что вопрос услышал и отмахнуться не выйдет.

— В общем... Владимир Петрович... у меня сейчас попросту не хватает финансирования, чтобы, скажем так... выплачивать зарплату...

— И поэтому тебе нужно уволить Марину? — Чтобы сэкономить для школьного бюджета... что? Сколько это сэкономит-то, Лёня? — я приподнял бровь, пытаюсь вспомнить свою учительскую ставку. — Двадцать тысяч рублей? Или девятнадцать, если премий нет? — усмехнулся я.

Всё, что он сейчас сказал, звучало нелепо даже по меркам нашей хронически голодной школы.

Лёня чуть ссутулился, но продолжил:

— Ну... на самом деле, Владимир, я принимаю комплекс мер, направленных на стабилизацию ситуации с отсутствием финансирования, — важно сказал он.

Я снова покачал головой.

— Лёня, мне это всё, честно говоря, не особо интересно. Но если ты считаешь, что увольнением Марины сможешь стабилизировать школьный бюджет, то я могу подсказать тебе ещё один вариант. И этот вариант уж точно полезнее для школы. Как минимум.

— И... какой же это вариант? — спросил директор, будто бы искренне заинтересовавшись.

— Ну, например, уволить трудовика, — предложил я.

Прозвучало так, словно я говорил об очевидном, давно назревшем и широко известном решении. Лёня вздрогнул так резко, словно я предложил списать со счетов не трудовика, а лично его. Глаза округлились. Он явно не ожидал такого хода.

Хотя по мне — вариант идеальный. Трудовик у нас, дай бог, ведёт один урок в неделю. Толку от этого балбеса — что с козла молока. И при увольнении даже никто не заметит, что отряд потерял бойца. Просто потому, что этот боец ходил где-то в параллельной реальности и в педагогике участвовал чисто номинально.

Я уже по выражению лица Лёни понял, что он сейчас начнёт оправдываться. Например, включать бюрократию и искать любые причины, по которым именно этого человека трогать нельзя. Ну что ж, даже интересно стало — какие аргументы он родит.

— Владимир... ты просто не понимаешь, — начал директор, нервно потирая переносицу. — У нас ведь всё проходит строго по ставкам. Ставку учителя труда мне заменить совершенно нечем...

Звучало это так, будто он собирался защищать трудовика до последнего.

— Никто не захочет к нам на эту работу идти, — продолжал Леонид. — Это уж точно. А вот ставку по литературе и русскому вполне сможет заменить наша замечательная Антонина Михайловна. У неё есть право преподавать эти предметы...

Я смутно вспомнил, что Антонина Михайловна — это учительница математики.

— Антонина Михайловна уже преподавала русский вместе с математикой, — пояснил Лёня. — Это было до того, как Марина пришла в школу.

— Ну так один урок труда в неделю я тоже смогу преподавать, — заверил я с лёгкой улыбкой. — И если в школе действительно такие большие проблемы с финансированием, то на общественных началах. В смысле бесплатно, Яковлевич.

Честно говоря, желания вести какие-либо уроки у меня было ровно ноль. И уж уроки по труду — тем более. Но если стоит вопрос о сохранении должности за Мариной, то почему бы и нет?

Да и если быть откровенным, можно сформулировать иначе. Даже если в школе вообще перестанут проводить уроки труда, ученики, мягко говоря, многого не потеряют. Нынешний трудовик занимается чем угодно, кроме труда.

Мне показалось, что вариант, который я предложил директору, был практически идеальным. Он закрывал вопрос от начала до конца: Марина остаётся, бюджет не страдает, трудовик идёт в свободное плавание. И всем становится лучше.

Хотя, судя по выражению лица Лёни, идеальность решения он видеть не спешил.

По тому, как надолго Лёня замолчал и тщательно подбирал слова у себя в голове, я внезапно понял, что дело тут не только, и даже не столько, в финансировании.

Лёня, насколько я успел его узнать, выдавал себя паузами. В том смысле, что чем длиннее они становились, тем проще угадывался настоящий корень проблемы. Сейчас пауза висела такая, что конца ей в принципе не намечалось.

Наконец директор заёрзал на стуле и заговорил:

— Владимир Петрович... есть ведь ещё и другие нюансы, по которым я не могу взять и просто так уволить нашего уважаемого трудовика. Потому что всё-таки...

Он не успел договорить.

В этот момент дверь кабинета распахнулась настежь. Стучать никто не собирался, не-а — здесь не было и малейшего намёка на воспитание.

Краем глаза я сразу заметил, что в предбаннике не было секретарши. Девчонка, видимо, куда-то отошла, и сообщить позднему гостю о том, что директор занят, было некому.

— В общем, Лёня, — заговорил появившийся в дверях мужчина, даже не удосужившись посмотреть, кто ещё находится в кабинете, — я уже знаю, что ты поговорил с Вадимом, и наша смета вырастет процентов на сорок от изначально заявленной суммы...

Вёл гость себя так, будто решения в этой школе принимает он, а не директор.

И этого человека я узнал сразу.

Нежданный гость осёкся на полуслове. Кстати, голос я его узнал сразу, поэтому ничуть не удивился, когда в дверях кабинета материализовался «уважаемый» трудовик.

На его лице застыла самодовольная улыбка. Глаза блестели уверенностью. Но стоило ему заметить меня, сидящего напротив Лёни, как выражение лица стремительно сменилось. Улыбка исчезла настолько быстро, будто её сдуло сквозняком. Вместе с ней испарилась и вся уверенность вместе с нагловатой расслабленностью. Трудовик дёрнулся, сбился с шага, словно споткнулся.

— Так... я, кажется, не вовремя зашёл. Потом зайду, — пробормотал он, уже пятясь назад.

И, не дожидаясь ни слова от директора, ни моего взгляда, хлопнул дверью.

В появлении трудовика как таковом не было ничего необычного. Но появиться вот так, бесцеремонно, как местный помещик, разговаривающий со своим крепостным директором школки, — это уже было любопытно.

А уж реакция... вот она была действительно красноречива. Если у человека есть привычка входить без стука — значит, он делает это часто. И если он привыкает говорить с директором, как с подчинённым, — это значит, он себе это позволял неоднократно. Наконец, если при виде меня трудовик так резко съёжился... то это значит, что он точно задумал что-то нехорошее.

Я перевёл взгляд на Лёню. Директор выглядел так, будто его поймали с поличным. Он явно не ожидал, что трудовик заявится при мне в кабинет.

А ещё мне стало понятно имя второго «визитёра», который заходил в кабинет до меня, — Вадим...

Интересно. Очень интересно.

Разговор между Лёней и этим «Вадимом» явно был не из лёгких. И речь тоже шла о смете. Как подсказал теперь трудовик, о смете, которая выросла на сорок процентов. Это я тоже слышал.

Сорок процентов — это явно не про «ошиблись в вычислениях». Нет, здесь про то, что «кто-то начал жадничать» или «кто-то решил прикормить своего человека».

Я сразу припомнил слова Сони про то, что у трудовика есть свой бизнес. И всё вдруг сложилось так чётко, как если бы кто-то включил свет в тёмной комнате.

Я медленно выдохнул, глядя на закрытую дверь.

Так вот, что-то мне подсказывало: речь здесь шла явно не о смете каких-нибудь гвоздей или дощечек для уроков труда...

Что ж, на досуге надо будет обязательно всё выяснить. Что за договорённости у директора с Вадимом и при чём здесь трудовик, который, судя по его манере заходить без стука, чувствовал себя в этом кабинете куда свободнее, чем любой педагог.

Всё это было интересно, но пока — непонятно.

Я медленно перевёл взгляд на Леонида.

— Я так вижу, ты не только меня и Марину на ковёр вызвал, да? — сухо спросил я.

Мне даже не пришлось на него давить — он сам свалился в оправдания.

— Владимир Петрович... — Леонид моментально перешёл на официоз, будто между нами вдруг выросла стена. — Вы всё неправильно поняли. Наши... э-э... дела никак не касаются той ситуации, которую мы сейчас обсуждаем.

Директор торопливо и сумбурно пытался вывернуться и объясниться. Из всех сил старался убрать из воздуха нехорошие намёки. Однако получалось у него это так плохо, что мне даже жалко его становилось. Почти.

Оправдания его были смехотворны.

Что тут скажешь... если раньше у меня были лишь тонкие намёки и предположения, что директор мутит какие-то свои дела. И для этих дел ему нужен трудовик — человек, который по сути только формально числится в школе. То теперь сомнений у меня практически не осталось.

Леонид явно на короткой ноге с этим мутным типом, и связь у них явно куда глубже, чем обычные рабочие отношения.

Можно было, конечно, прямо сейчас, по горячим следам, прижать Лёню к ногтю. С ходу попробовать выбить из него побольше информации. Но я этого делать не стал. Слишком мало я пока знаю и слишком много вопросов, ответов на которых у меня нет. Поэтому пока что я даже не смогу понять — врёт мне Лёня или говорит правду. В такой ситуации давить — только

хуже сделать. Он либо заткнётся, либо начнёт городить такую чушь, что потом ещё разбираться и разбирать придётся.

Поэтому методы дисциплинарно-воспитательного характера придётся чуть-чуть отложить. По крайней мере до тех пор, пока не станет окончательно понятно, вокруг чего весь сыр-бор. И что именно связывает трудовика, директора и того товарища, который заходил к Леониду и бил кулаком по столу.

Вот тебе и Лёня... человек, которому я безоговорочно доверял, можно сказать, по умолчанию. Хотелось бы верить, что я сильно ошибаюсь, что всё не так, как выглядит. Но чувство было слишком стойким: из Лёни выросло конкретное говно. Говно, которое за эти годы позрело всё, чему я когда-то учил того пацана.

— В общем, Леонид Яковлевич, раз мы уже с тобой перешли обратно на «вы», — я легонько хлопнул ладонью по столешнице, возвращая его внимание. — Надеюсь, я достаточно ясно изъяснился. Марина никакого заявления писать не будет. Ни по собственному, ни по твоему желанию, ни по желанию хоть кого-либо.

Лёня молча слушал с кислой физиономией.

— И если тебе, голубчик, олимпиада не нужна, то я уже пообещал и ребятам, и Марине, что мы её выиграем и отстоим школу.

Я встал со стула, упёрся в столешницу кулаками.

— Так что тут, как говорится, без вариантов, — процедил я. — Свое слово я привык держать.

Леонид молчал. Смотрел куда-то в пустоту. А что он мог сказать? Я застал его в самый неудачный момент, когда трудовик сболтнул лишнего. И вся конструкция Лёниной «официальной версии» с бюджетными дырами рассыпалась.

Разговаривать дальше с ним мне не хотелось ни на грамм. Смысла в этом было ровно ноль. Внутри же у меня росло спокойное, тяжёлое желание. Такое, отцовское. Прописать ему леща, чтобы мозги встали туда, где им положено быть. Рука чесалась, но я удержался.

Я уже собирался выйти из кабинета, когда Лёня вдруг ожил. И следующие его слова... вот они действительно стали для меня полной неожиданностью.

— Владимир Петрович... вот вы начали говорить первым, когда зашли ко мне в кабинет, — сказал директор. — А я ведь именно затем и позвал вас, чтобы мы с вами наедине обсудили вопрос про нашу олимпиаду.

После этих слов я вновь сел, показывая, что готов выслушать. Директор явно тянул время, собирался с духом.

— В общем... — продолжил он, но тут же осёкся.

— Я весь внимание, — заверил я, давая ему понять, что он может продолжать.

— Да, да... — кивнул Лёня быстро. — Просто я вынужден вас известить, что у нас нет финансовой возможности поддержать подготовку к олимпиаде для нашего 11 «Д» класса.

Признаться, услышать такое я точно не ожидал. Лоб у меня сам собой нахмурился, но я промолчал, ожидая, что он скажет дальше. Это было бы разумно — прежде чем вставлять свои пять копеек, дать человеку договорить всё, что он собирается выложить.

— И... в связи с этим я бы хотел обсудить с вами в принципе саму целесообразность проведения такого масштабного по школьным меркам мероприятия, — выдал директор.

После этих слов он наконец поднял голову. Взгляд его перестал метаться. Теперь он смотрел прямо, пытаясь понять мою реакцию — будет ли она спокойной, взрывной или я просто развернусь и уйду.

И ровно в эту секунду было видно — Лёня явно надеялся, что если он озвучит проблему «как есть», то я пойму, приму и сам предложу отменить олимпиаду.

Вон оно откуда ветер дует... выходит, что на олимпиаду у Леонида денег, оказывается, тоже «нет».

Занятно. То есть на смету, которую ему якобы увеличивают на сорок процентов благодаря мутным схемам, деньги нашлись. А вот на детей, на спорт и на саму олимпиаду — вдруг дыра. Блин, такой удобный Бермудский треугольник, в котором бесследно исчезают любые суммы.

Я прокручивал, собирая мозаичную картину происходящего. Тем временем Леонид, не подозревая, что я уже мысленно связал все нити, продолжал вещать.

С его слов выходило, что из-за «огромной бюджетной дыры» он при всём желании не может выделить ни копейки на покупку мечей, формы, реквизита и прочего, что нужно для олимпиады. Прямо трагедия вселенского масштаба.

— Ну а при таком раскладе нас даже просто до самой олимпиады в принципе не допустят, Владимир Петрович, — вздохнул Лёня, и вздох этот был таким театральным, что я почти ожидал, как он сейчас возьмётся за сердце.

Глава 2

Но он лишь развёл руками, этим показывая, что сам он, бедняга, бессилен перед обстоятельствами.

Вёл директор себя так, будто ему действительно важно участие класса в событии. Хотя я уже ставил искренность этих его «страданий» под сомнение. Но перебивать я не стал — пусть выговорится. Чем больше он говорил, тем яснее становилось, что финансовая яма появилась ровно там, где был трудовик со своим бизнесом. И исчезли деньги ровно там, где проходила новая смета.

Директор наконец выговорился, выдохнул всё своё нытьё про дырявый бюджет и плавно подвёл к мысли, что олимпиада нашей школе просто не нужна. Хотя бы потому, что шанс на победу якобы равен нулю.

Но я лишь только медленно покачал головой.

— Деньги, Лёня, — пояснил я, — это вещь важная. Тут никто не спорит. Но просто поверь мне: я в этой жизни кое-что видел. Деньги очень хорошо портят людей, которые когда-то были нормальными. Честными. И я прекрасно понимаю, насколько трудно устоять перед соблазном, когда живёшь от зарплаты до зарплаты...

Я коротко пожал плечами, наблюдая за директором.

— Я вас не совсем понимаю, — выдал Лёня. — Вернее, я вас совсем не понимаю, Владимир Петрович... о чём таком вы мне говорите?

— Это я к тому говорю, — продолжил я, — что мы с ребятами, полагаю, и без денег как-нибудь справимся.

Я произнёс это намеренно просто, будто речь шла о чём-то совершенно бытовом. Хотя смысл закладывал куда глубже. И директор это понял. Ох, как понял...

— Я же говорю — деньги людей портят, — продолжил я. — А я не хочу, чтобы мои школьники думали о деньгах...

Лёня едва заметно выдохнул. И не без причин: он, похоже, решил, что я веду речь именно о нём. Впрочем, пусть думает, что хочет — я ему мешать в этом не собирался.

— Поэтому сниматься с олимпиады мы с моими ребятами точно не будем, — продолжил я. — Обязательно подадим заявку на участие. Я сейчас как раз иду на физкультуру к 11 «Д», поговорю с ними там. Так что не переживай, Леонид Яковлевич. Раз проблема только в этом, мы её решим. И приведём нашу школу к победе.

Видно было, что мои слова сбили директора с курса. Он явно пытался понять, как теперь выкручиваться — а выкручивать-то особо нечего.

— Или... возможно, — добавил я как бы мимоходом, — у вас есть какой-то другой резон, по которому мы должны отказаться от олимпиады?

Я намеренно сказал это чуть более витиевато — именно так, как сам Лёня любил выражаться. Но мотив у меня был простой: я давал ему шанс. Маленький, даже микроскопический, но шанс не перейти тот рубеж, который станет точкой невозврата.

Пусть у меня была уверенность, что он уже давно перешёл на сторону сомнительных договорённостей с трудовиком и этим Вадимом. Но оставлять человеку последний шаг назад — всё-таки правильно. В глубине души у меня теплилась надежда, что Лёня просто попал под чужую манипуляцию.

А ещё я допускал, что на директора сейчас давят... Я не знал всей внутренки, но шанс Лёне я дал. По-человечески дал. Хоть и понимал, что рискую выглядеть наивным идиотом.

Честно? Мне совсем не хотелось верить, что Лёня мог настолько испортиться за эти годы. Что в нём не осталось ни капли того пацана, которого я знал тридцать лет назад.

Но, увы, Лёня этим шансом пользоваться не захотел.

— Я вас услышал, Владимир Петрович, — сказал директор, и в голосе его проступило едва уловимое раздражение. — Единственное, что могу сейчас сказать... я не уверен, что мы сможем подать заявку. Как бы ни хотелось мне и вам обратного. Но я обещаю, слово даю, что приложу все возможные усилия. Тем более, если вы готовы на общественных началах заняться подготовкой наших ребят к олимпиаде...

Слова были, конечно, красивые. Чуть ли не благородные. Но за ними не было ни грамма реального намерения. И я это понял сразу.

Я видел перед собой человека, который за неделю не сделает абсолютно ничего. Не подаст заявку, не поднимет бумаги, не пойдёт ни в департамент, ни к методистам. Он просто пересидит, а потом разведёт руками: «Ой, сроки прошли... ну что поделать...». Точно так же, как он несколько раз разводил руками сегодня.

А может, он попросту сдался? Не выдержал тяжести, которая упала на его директорские плечи? Или же дело проще: Леонид просто не верит в то, что с таким проблемным классом, как наш 11 «Д», вообще возможно выиграть хоть что-либо. И это его неверие, похоже, было куда глубже, чем проблемы школы, деньги или трудовик.

Лёня просто перестал верить в школу, в детей, да и в себя самого тоже.

А я — нет.

Конечно, всё может быть, но в отличие от Лёни, я сдаваться точно не собирался. Причём независимо от того, какие ещё препятствия и сложности возникнут на пути к выигрышу олимпиады с неблагополучным, но уже родным мне 11 «Д».

И ещё я прекрасно понимал, что вопрос с подачей заявки нам придётся решать самому. Никаких иллюзий — Лёня этим заниматься не будет, и ждать от него чего-то разумного бессмысленно.

Значит, нужно выяснить, какие документы подаются, как проходит процедура, кому она адресована и какие сроки есть. В этом деле как раз пригодится Соня, наша завуч. Она обязана знать все эти нюансы и, в отличие от директора, хотя бы не притворяется слепой.

— Ладно... разберёмся, — уныло повторил директор, будто подводя итог разговору. — Спасибо за такой честный разговор.

— Разберись, Леонид Яковлевич. Обязательно разберись, — ответил я.

Поднялся из-за стула и направился к выходу. Когда я вышел в предбанник, то буквально на пороге столкнулся с секретаршей. Она стояла возле сканера, держа в руках пачку бумаг. Видимо, слишком близко подошла к двери, и я, открывая её, слегка поддел её створкой.

— Ой-ой! — вскрикнула она от неожиданности.

Листы бумаги разлетелись по предбаннику и упали хаотичным веером на пол.

— Простите, извините, — сказал я и сразу присел на корточки, подбирая бумаги вместе с ней.

— Да вы представляете, Владимир Петрович, — тут же начала она, будто только и ждала слушателя, — уже дошло до того, что я хожу и выпрашиваю картридж для принтера взаймы в учительской! Потому что на новый учебный год картридж не то чтобы не купили... даже старый не заправили!

Она тараторила быстро, как пулемёт. Я же молча собирал рассыпанные листы и слушал.

— Леонид Яковлевич говорит, что у нас денег нет! — продолжала секретарша крайне возмущённо. — А ещё вот — как назло — бумага в принтере закончилась. Ну а как иначе? Конечно закончится, если рассчитывать всего на одну пачку бумаги до конца квартала! Мне её точно не хватит, а между тем квартал только начался...

Она искренне злилась. Даже не на меня — на саму ситуацию, на бардак вокруг. Я не стал комментировать её слова. Но внутри меня уже всё сложилось в куда более ясную картину. Девчонка жаловалась искренне — и именно поэтому её слова подтвердили, что дело тут не в отсутствии денег. Дело в том, куда эти деньги уходят.

Однако едва я начал помогать секретарше подбирать рассыпанные по полу бумаги, взгляд зацепился за один из листов. Я будто машинально взял его в руку, просто желая вернуть его в стопку... Но текст на странице сам бросился в глаза — и меня внутренне повело.

Это был официальный отказ нашей школы от участия в предстоящей олимпиаде.

Сегодняшняя дата. И подпись директора — аккуратно выведенная, уверенная, чуть нажимистая. Подпись Лёни.

Я несколько секунд смотрел на лист, в голове тихо и быстро начали вставать по местам детали, которые ещё минуту назад казались разрозненными.

Выходит... решение было принято давно. Рано утром — или ещё вчера вечером. Лёня ещё до нашего разговора знал, что мы не будем участвовать. Знал, когда рассказывал про «дырявый бюджет», «сложности», «неуверенность»...

И всё это время он просто подыгрывал, создавая видимость сомнений. Чисто для красного словца. Чтобы я, видимо, ушёл спокойный.

Да. Всё сходилось. Именно так и было.

Решение пришло быстро — подставлять девчонку и просить её «задержать» передачу бумаги я не собирался. Если она не подаст документ сознательно, это будет прямой саботаж приказа, а за такое влетают по статье легко и быстро. Секретарша здесь вообще ни при чём — просто винтик, выполняющий то, что сверху велено.

Вставить поперёк Лёни точно не её задача. Но моя — вполне.

Я выбрал вариант куда аккуратнее и, главное, умнее. Пока секретарша с головой ушла в сбор рассыпавшихся листов, я сунул экземпляр с отказом от участия в олимпиаде себе за пазуху.

Ну потерялся — и что теперь? Всякое бывает. Бумага — штука капризная: то проскочит мимо сканера, то исчезнет в стопке, то всплывёт там, где её никто не искал.

А пока пропажу обнаружат и поймут, что секретарша ничего не подала, — пройдёт немало времени. И за это время я, наоборот, подам туда, куда нужно, наше согласие на участие в олимпиаде.

Я успел спрятать лист ровно в тот момент, когда девчонка закончила собирать остальное и, выпрямившись, снова повернулась ко мне. Она сдула упавшую на лоб чёлку и улыбнулась — устало, но искренне.

— Спасибо, что помогли всё собрать, — сказала она. — Утро, конечно, началось так, что всё сразу обрушилось: распечатай, отправь...

— На здоровье, — отозвался я и в ответ подмигнул.

— Хотя за свой счёт всё это покупай, — возмутилась она уже куда эмоциональнее. — В общем, такие вот у нас дела, Владимир Петрович. Хотя со своей зарплатой всё покупай!

— Ага, дела бедовые, не говори, — кивнул я. — Хорошего тебе дня. А покупать всё лучше с зарплаты нашего Леонида Яковлевича, — я снова подмигнул девчонке. — Всё-таки у директора школы зарплата побольше, чем у секретарши.

— Да Леонид Яковлевич скорее удавится, чем хоть копейку даст из своего кармана, — прошептала секретарша, театрально закатывая глаза. — Вам тоже хорошего дня, Владимир Петрович.

Я кивнул и вышел в коридор.

Марина стояла там же, где я оставил её, но за это время успела исходить весь коридор вдоль и поперёк. Она ходила быстрыми нервными шагами, то скрещивая руки на груди, то пряча их за спину. По её лицу было видно, что ждать она не умеет.

Завидев меня, она буквально метнулась вперёд.

— Ну что там, Володь? — Марина подбежала почти вплотную, уставившись на меня своими огромными глазами. — Что тебе сказал Леонид Яковлевич?

— Ну... — протянул я. — Новости, Мариш... скажем так, довольно плохие.

Лицо девчонки сразу побледнело, она даже отшагнула, упершись спиной в стену. Честно? Мне хотелось взбодрить девчонку, устроить ей небольшую эмоциональную встряску. Поэтому ровно через секунду я добавил:

— Плохие новости не для тебя, а для директора.

Марина моргнула. Зависла. Потом снова моргнула — я видел, как её мозг судорожно пытается перестроиться.

Вот ради этой секунды удивления я и пошутил. Девчонку надо вытащить из её мрачных мыслей, вернуть в рабочее состояние. А то совсем расклеилась...

— Блин, Володя, ну у тебя и шутки, — фыркнула Марина.

Однако по глазам девчонки было видно, что напряжение никуда не делось.

— Ты что, правда договорился с директором? — в её голосе проскользнула надежда. — Леонид Яковлевич не против, чтобы я продолжила работать?

— Конечно не против, — заверил я. — Более того, он внезапно понял, что такого сотрудника, как ты, днём с огнём не сыщёт.

Марина вспыхнула. Щёки залились краской — девчонка явно не привыкла слышать похвалу. Ну а если и слышала — то, похоже, вот так терялась, не зная, куда свои эмоции девать.

— Леонид Яковлевич... и правда так говорит? — с искренней радостью в голосе спросила она. Потом замерла, что-то обдумывая, и осторожно добавила:

— Вова..., а почему же он тогда так настаивал на моём увольнении?

— А просто наш Леонид Яковлевич на минутку забыл, что школе нужно олимпиаду выигрывать, — пояснил я свою «полуправду». — А теперь вот вспомнил. Так что, Марина, не вешай нос, выдыхай и работай спокойно. А с проблемами твоего брата, которые тебя постоянно выбивают из колеи, мы обязательно разберёмся.

Она с заметным облегчением втянула воздух, будто сбросила с плеч лишний десяток килограммов тревоги.

— Спасибо, Володя... неожиданно, что ты решил этот вопрос, — в голосе Марины прозвучала благодарность.

Я, как и Марина, был бы не прочь постоять и перекинуться еще парой фраз прямо здесь, в коридоре. Но в этот момент раздался звонок, отмеривший начало урока громко и безапелляционно — как всегда.

— Так, Марин, мне уже пора идти, — сказал я. — У меня сейчас как раз урок у нашего одиннадцатого «Д». И самое время поговорить с ними про олимпиаду.

— Надо же... выходит, что и я тоже иду к своим на урок, — хихикнула она, заметно повеселев.

— Выходит, что да, пойдёшь, — подтвердил я.

Марина буквально засветилась. Взгляд стал живым. Вот и правда — иногда человеку для счастья нужно совсем немного. В её случае — возможность нормально работать, зная, что её не попросят писать заявление, и чувствовать, что она нужна своим ученикам. Девчонка в преподавании души не чаяла и вкладывалась так, как мало кто вообще способен.

— Ты мне только не забудь скинуть ссылки на реабилитационный центр, — напомнил я ей.

— Обязательно! — обрадованно остановилась Марина. — Вот прям сейчас и скину!

Она ловко набрала что-то на телефоне, несколько раз провела пальцем по экрану, нажала «отправить». Спустя пару секунд в моём кармане завибрировал телефон, подтверждая получение сообщения.

— Готово, — сказала она и улыбнулась — уже спокойно, по-человечески, без той паники, что была утром.

Я кивнул и направился к своему классу. Марина — к своему. И впервые за весь этот разговор мне показалось, что ситуация хотя бы в одном месте начала становиться на свои места.

— Поймал, — заверил я девчонку, проверив входящие сообщения. — Ознакомлюсь, а потом уже дам тебе знать, что и как дальше делать.

Марина кивнула, больше ни секунды не задерживаясь. Девчонка почти бегом сорвалась с места и улетела по коридору — каблуки громко зацокали по лестнице.

Я же вытащил телефон, открыл мессенджер и набрал короткое сообщение Кирюхе:

«Кирюха, ты сегодня на уроке или как?»

Отправил.

Через пару секунд сообщение уже было прочитано. Ну да, молодёжь и телефон нынче — одно целое, этот прибор у них будто вшит под кожу.

Побежала строка набора текста, и вскоре пришёл ответ:

«Я тут, на уроке».

Красавчик пацан. Я ему, конечно, разрешил прогуливать, но Кирилл всё равно умел держать дисциплину и совесть в каком-то правильном балансе. Такой далеко пойдёт — это даже не интуиция, а сухой факт.

Следующим сообщением я написал:

«Проследи, чтобы никто никуда не расходился. Мне нужно поговорить с вами перед занятием».

Ответ пришёл почти мгновенно:

«Сделаем, Владимир Петрович».

Отлично.

Я убрал телефон обратно в карман и направился прямиком к завучу. Прежде чем разговаривать с ребятами об олимпиаде, мне нужно было увидеться с Соней.

У Сони, как у завуча, был свой собственный кабинет. Хотя по ощущениям она проводила там меньше времени, чем где-либо ещё. И большую часть дня она «жила» в учительской. Там завуч обычно устраивала разнос кому-нибудь из особо «одарённых».

Понятно, что далеко не всем такой стиль руководства нравился. Да и неудивительно: когда дело доходило до работы, Соня превращалась в того самого человека, который действует по принципу «вижу цель — не вижу препятствий». И делала это с таким напором, что при виде завуча весь педагогический состав без исключения вздрагивал.

И вот это её рвение мне хотелось увидеть прямо сейчас по отношению к важному вопросу олимпиады.

Честно говоря, я понятия не имел, где именно находится её кабинет. И как-то даже не поинтересовался у Марины, прежде чем мы разошлись. Но, к счастью, удача сегодня была на моей стороне — я наткнулся на нашего географа.

Глава 3

Судя по тому, как выглядел Глобус, в последние дни мужик окончательно проигрывал свою многолетнюю войну с алкоголем. Похоже, очередной срыв случился сегодня с утра пораньше. Глобус стоял с покрасневшими глазами, движения его были замедленные, а лицо невозмутимое.

Глобус стоял перед большой доской с информацией, где висели списки, объявления, какие-то бумаги и, разумеется, школьное расписание. Конечно, расписание давным-давно перевели в электронный вид, и каждый мог открыть его в телефоне одним движением пальца. Но Глобус упрямо пользовался только распечатками. Видимо, возраст, привычка или просто нежелание связываться с технологиями.

Обычно географ умудрялся держать марку. Это было странное мастерство — мужик умел скрывать своё состояние так, что с первого взгляда и не скажешь, что человек под шафе.

Но сегодня что-то пошло не так. Стоило ему остаться наедине с самим собой, и вся его маскировка слетела мгновенно. Сейчас его откровенно пошатывало, взгляд был затуманенным, он то и дело клевал лбом в доску с информацией.

Вообще, конечно, географ ходил по лезвию бритвы. Его терпели только потому, что даже в таком состоянии Глобус оставался добродушным мужиком, никого не трогал, не хамил, не буянил. Но достаточно было одной лишней минуты, чтобы какое-нибудь «дитя прогресса» сняло его на видео... и всё — труба! Тогда никакая доброта уже бы не спасла, просто потому что интернет-позор в наше время работает быстрее и больнее любого выговора.

И вот этот самый «любой момент» наступил прямо сейчас. Подойдя ближе, я увидел пацанёнка, который уже держал телефон двумя руками и начинал запись, выбирая ракурс получше.

— Отставить, — рявкнул я.

Пацан вздрогнул и чуть не уронил телефон.

— Здравсте, Владимир Петрович... — протянул он, кортавя от испуга.

— Забор покрасьте, — процедил я. — Ты зачем нашего географа снимаешь?

— Чтобы в интернет выложить? — я нахмурил брови.

Пацан переступил с ноги на ногу, но выдал правду, без всяких попыток выкрутиться:

— Так, Владимир Петрович... прикольно же. Я хотел его в TikTok залить. Под музыку.

Прикольно оно там, может, и было прикольно, но не для Глобуса...

Пацану казалось, что это просто очередной мем для школьного чатика. А я отлично понимал, что последствия для учителя были бы совсем не смешными. Скандал, родительские обсуждения, вызовы «на ковёр» и, скорее всего, увольнение...

Географ тоже вздрогнул, распрямился и сделал вид, будто полностью контролирует ситуацию. С таким видом, будто всё это время мужик лишь внимательно изучал расписание.

Конечно, признавать, что он даже не помнит, есть ли у него сейчас урок, Глобус бы не стал — гордость не велит. А то, что глаза у него бегают, а в голове перекачивается пустота, — так это он, как обычно, надеялся спрятать.

Но вопрос стоял не о нём, а о пацане и том самом интернете, куда тот собрался залить видео. И объяснить, что делать этого не стоит, нужно было сейчас, сразу и доходчиво.

— Малой, тебя как звать? Напомни, — обратился я к нему.

— Меня Федя зовут, — прокортавил он, всё ещё переживая.

— Так вот, Федя. Ты нашего географа любишь? — спросил я у пацана.

— Да, Владимир Петрович. Это мой любимый учитель, — выдал он сразу, а потом, словно спохватившись, добавил: — Ну... естественно, после вас.

Я коротко кивнул — приятно, конечно, но сейчас не об этом.

— Ну вот, малой. А если ты его любишь, то хочешь, чтобы он и дальше у тебя географию преподавал?

— Конечно хочу, Владимир Петрович, — быстро подтвердил Федя.

— Ну так вот. Теперь на секундочку представь, что будет, если ты выложишь это видео в TikTok. А оно обязательно всплывёт — в ваших чатах, у родителей, у Софии Михайловны, у директора... И что они увидят?

Федя завис. Было видно, как у пацана шестерёнки в голове отчаянно пытаются провернуться. Он явно даже не задумывался о том, что будет после загрузки смешного ролика. TikTok — это же для молодёжи всё равно что воздухом дышать: не задумываясь, выложил видео — и побежал дальше.

— Так вот, — продолжил я. — На такое видео сразу же среагирует какая-нибудь проверяющая комиссия. И тогда твой любимый учитель больше не сможет работать в школе, потому что его уволят.

— Владимир Петрович... — чуть подумав, выдал Федя. — А у меня ведь папа тоже, если выпьет... то на следующий день на работу не идёт. Говорит, что самочувствие плохое, давление поднялось. Потому что он знает — если он придёт на работу с похмелья, его могут уволить...

Федя невольно сдал собственного отца с потрохами, но сказал он это честно, без задней мысли. Пацан просто пытался провести параллель.

— Ну вот, значит, ты сам понимаешь, что у каждого есть слабости. И если человеку один раз дать упасть на ровном месте — его добьют окончательно.

Пацан отвёл глаза, пытаясь усвоить сказанное.

— Поэтому, — продолжил я, — давай договоримся. Прямо сейчас ты удаляешь то видео, которое успел снять. И оно никуда не попадёт. Даже по секрету друзьям.

Федя нахмурился.

— А почему друзьям нельзя показать? — спросил он по-детски искренне.

— Потому что, Федя, — ответил я, — кто-нибудь обязательно перешлёт. И запомни это на всю жизнь: если, кроме тебя самого, кто-то знает секрет, то значит, что этот секрет уже знают все. И это больше не секрет.

Пацан кивнул почти машинально, но по взгляду я видел, что понял он всё окончательно и верно.

— Понял. Я прямо сейчас видео удалю, — сказал он.

Федя открыл галерею, покопался в телефоне и через секунду показал мне пустую папку.

— Всё. Больше у меня ничего нет, — подтвердил он.

— Красавчик, — похвалил я пацана. — И давай-ка теперь шуруй на урок. Уроки пропускать нельзя.

— Я в туалет вышел, Владимир Петрович, — попытался оправдаться он.

— Ну ладно. Только после туалета возвращайся сразу в класс... Кстати, что у тебя сейчас по расписанию?

— География!

— А, вот оно что, — я покосился на географа, который стоял рядом с информационной доской и изображал из себя образец трезвости. — Тогда возвращайся. Учитель скоро придёт. И проследи там, чтобы никто в классе не шумел. Договорились?

— Договорились, — сказал пацан и побежал дальше по коридору, в сторону туалета.

Когда малой исчез за поворотом, я повернулся к «Расторгуеву». Он по-прежнему старательно делал вид, будто абсолютно трезв и внимательно изучает расписание, хотя руками упираясь в доску так, чтобы не шататься.

Хороший он мужик, добрый, по-своему душевный, но беда в том, что бутылка у него была не просто слабым местом — она превращалась в яму, в которую он время от времени падал по самые уши.

Я подошёл ближе и лёгким движением положил руку ему на плечо.

— Здорова, Расторгуев, — сказал я. — Завязывай со своими веселящими напитками. Уже совсем распоясался.

Глобус выпучил глаза, будто я заговорил с ним на китайском языке.

— Здравствуйте, Владимир Петрович, — произнёс он с каменным лицом, выдерживая образ «ничего-не-случилось».

Держался он действительно мастерски, но то, что выдавал его запах... это было что-то с чем-то. Когда он выдохнул в мою сторону, у меня чуть уши не свернулись в трубочку. Стой рядом дольше — и можно самому опьянеть по ингаляции.

— Уважаемый, — сказал я чуть строже. — Ты сам понимаешь, до чего добаловался?

Географ моргнул, потом снова стал рассматривать расписание, будто там было что-то чрезвычайно важное. Но его всё так же пошатывало. Он держался из последних сил.

— А у меня вот урок географии, и, представляете... я забыл, какой кабинет, — произнёс Глобус, вернув на меня мутный взгляд.

На его лице застыло выражение, когда человек искренне уверен, что держит ситуацию под контролем, хотя еле стоит на ногах. Вообще всегда забавно наблюдать, как выпившие всеми силами изображают из себя трезвых. Им-то кажется, что они мастерски маскируются. Однако со стороны видны все огрехи — шаткая походка, стеклянный взгляд...

— Ладно, я, пожалуй, пойду, — буркнул он и развернулся, покачнувшись.

— Так, дружок... тормози-ка, — я положил ему руку на плечо.

Географ замер...

Отпускать его в таком состоянии на урок — это сразу подписать ему увольнение, а я этого точно не собирался допускать. Мужик, как ни крути, был по-своему неплохой, просто слабый перед бутылкой. А ученики с их телефонами — это куда опаснее любой комиссии.

— А чего? Я же на урок иду, — сказал он «невозмутимо».

— Ага. Но сначала пойдём со мной, — спокойно сказал я и мягко взял его под локоток. Он подчинился — вяло, но без сопротивления.

— А куда мы идём, Владимир Петрович? — спросил Глобус, когда я повёл его по коридору в сторону туалета.

— Мы, любезный, идём трезветь, — сообщил я.

— Зачем трезветь? Я трезвый... как стёклышко, — уверил меня Глобус.

Причём уверил абсолютно искренне, будто действительно в это верил.

Что ж, учитывая, в каком режиме мужик жил, я и правда не исключал, что он уже перестал понимать разницу между трезвостью и состоянием под шафе.

— Пойдём, пойдём, — подтолкнул я его вперёд. — Сейчас тебе станет легче.

Мы подошли к туалету, и я подвёл географа к раковине. Открыл кран, выставив воду на максимум холодной. Подождал несколько секунд, пока по трубам прошёл весь тёплый остаток и струя стала действительно ледяной.

Глобус щурился, пытаясь понять, что происходит, но взгляд у него «плыл», и толку от его попыток сосредоточиться не было никакого.

— И что вы собираетесь делать, Владимир Петрович? — спросил он, искренне не понимая.

Я ничего объяснять ему не стал — бесполезно. Одним движением взял мужика за шиворот и сунул его голову под поток ледяной воды. Глобус, конечно, дёрнулся, попытался сопротивляться, даже что-то пробормотал. Впрочем, вышло у него примерно так же убедительно, как у пингвина попытка взлететь.

— Трезвей, — хмыкнул я, удерживая мужика.

В этот момент в одной из кабинок сработал спусковой бачок, и послышался шум воды. Через секунду дверь кабинки распахнулась и наружу вышел... Федя. Тот самый пацанёнок,

который несколько минут назад собирался залить бедолагу-географа в TikTok под бодрящую музыку.

Федя увидел картину, как я держу Глобуса под ледяной водой, и замер от неожиданности. — Давай, мелкий, иди куда шёл, — бросил я, даже не оборачиваясь.

Федя не двинулся.

— Тебе что, уши прочистить надо? — я покосился на него.

— Не, Владимир Петрович, не надо, — пацан замялся. — Просто мне ж руки надо помыть.

А, вот оно что. Логично. Мы же стояли в туалете.

— Тогда подожди немного, — сказал я.

Федя послушно кивнул. Я ещё несколько секунд держал голову географа под ледяной струей. Потом аккуратно отдёргнул его от раковины.

— Ох... — выдохнул Глобус, жадно хватая воздух.

Конечно, превращать его в трезвенника за десять секунд ледяной водой было нереально. Но вода своё сделала — промилле в крови пошли в отрицательный рост. Глобус пришёл в то состояние, которое для него давно было «рабочей нормой» — выпивший, но управляемый и без риска выдать какой-нибудь финт ушами прямо на уроке.

Вообще у каждого человека есть свой предел. У нашего географа предел — 24 часа под лёгким градусом, семь дней в неделю, без выходных и праздников. И, что характерно, держался мужик в таком режиме удивительно уверенно.

Федя тут же метнулся к раковине, включил кран и начал мыть руки. А я критично оглядел географа.

— Ну что, теперь ты хотя бы на человека похож. Всё, состояние стабилизировалось? — спросил я.

Он стоял, прислонившись к плиточной стене, мокрый и взъерошенный. Волосы прилипли к вискам, но взгляд стал осмысленным, уже не стеклянным.

Географ вытащил из кармана платок — старый, мятый, но до смешного аккуратно сложенный. Тщательными движениями он начал вытирать им лицо.

— Спасибо... действительно лучше, — шепнул он, вздохнув полной грудью.

Платок Глобус бережно сложил и убрал в нагрудный карман. Потом коротко встряхнул головой, будто окончательно выгнал из себя остатки хмеля.

— Бррр... ну спасибо, Владимир, вы правы... я действительно немножко переборщил, — пробормотал он и протянул мне руку.

Я пожал его руку. Мужик-то он в целом нормальный. Слабый, да. Но не злой, не подлый и не гад. И уж точно не такой, чтобы его подставлять ради минутного хайпа в интернете.

Я хлопнул его ладонью по плечу.

— Да это не «немножко», братец, — заверил я. — Ты в следующий раз с дозировкой поаккуратнее. Иначе сам знаешь, чем это закончится. Останешься без работы и будешь жить на одну голую копеечную пенсию.

Географ не стал возражать, тяжело вздохнул, будто вспомнил про пенсию и свой возраст.

— Понимаю я всё, Володь... — признался он, опуская глаза.

В его голосе было столько усталости, что на секунду мне стало по-человечески жалко Глобуса. Тридцать лет прошло, а пенсии у стариков были всё такие же копеечные. Тогда люди выживали как могли, и сейчас было ровно то же самое. Время меняется, а реальность, увы, не очень...

— Где у тебя урок, в каком кабинете, помнишь? — спросил я уже у географа.

Глобус нахмурился, задумался, пытаясь хоть что-то выудить из головы.

— Да... надо бы по расписанию посмотреть, — честно признался он, тем самым подтвердив, что понятия не имеет, в каком классе у него сейчас урок.

Федя, закончив мыть руки и вытирая их о бумажное полотенце, краем уха слушал наш разговор и в этот момент решил вмешаться.

— Так у нас же география, Владимир Петрович! — напомнил он.

Я вспомнил, что Федя ещё в коридоре говорил мне про географию.

— А ты какой класс, мальчик? — спросил у него Глобус.

— 7-й «Б», — доложил Федя без запинки.

— Так, ну вот и отлично, — сказал я. — Федя, выдаю тебе партийное задание. Твоя задача — проводить учителя до класса. Справишься с такой ответственностью?

— Да! — оживился пацан.

— И ещё, Федя, у меня к тебе есть второй вопрос, — сказал я.

— Внимательно слушаю, Владимир Петрович, — ответил пацан, вытянувшись по струнке.

Я разузнал у пацана, где находится кабинет Сони. И, дождавшись, пока Федя и Глобус уйдут, пошёл в указанном направлении.

Через пару минут я уже стоял возле кабинета завуча. Три коротких, уверенных стука — и, не дожидаясь приглашения, я вошёл внутрь.

Соня была на месте. Она сидела за своим столом, слегка наклонившись вперёд, и смотрела в небольшое зеркальце. Занята она была наведением марафета, укладывая на лицо свежий слой косметики. По её виду сразу было ясно, что ночь выдалась тяжёлая. Возможно, у неё вовсе не было сна...

Как бы то ни было, теперь она старательно маскировала усталость, чтобы никто из школьников или коллег этого не заметил.

Я невольно отметил, что в этом завуч была похожа на физичку. Та тоже умела после бессонной ночи выглядеть на все сто. Вообще девчонки, наверное, умудряются развивать в себе такие навыки автоматически...

При виде меня Соня вздрогнула и, похоже, сразу не узнала. Попыталась быстро спрятать зеркальце, но, так и узнав меня, сразу расслабилась. Видимо, завуч подумала, что в кабинет зашёл кто-то из учеников и не хотела, чтобы её застали за тем, как она красится.

— Володя... это ты, — выдохнула она с облегчением.

— Это я...

Я без лишних формальностей подошёл к её столу, сел напротив.

— Как твоё самочувствие? — спросил я, оценив опухшие от недосыпа глаза Сони.

— Лучше всех, — завуч снова подавила зевок, — хотя спать жутко хочется.

— Ладно, — я не стал заходить издалека, — давай к делу. Мне нужна информация по олимпиаде. Я пришёл подать заявку от школы.

Завуч замерла, положила зеркальце на стол и посмотрела на меня внимательно. Смотрела так, будто пыталась понять — я шучу или говорю серьёзно.

— Володя... — смущённо начала Соня. — А ты разве не в курсе, что Леонид Яковлевич сказал, что мы не участвуем в олимпиаде?

— Леонид Яковлевич может участвовать или не участвовать где угодно, — ответил я и улыбнулся, — а мы с 11 «Д» участвуем.

Глаза Сони слегка расширились. Я видел, как в завуче включилась её привычная внутренняя бюрократическая машинка: «если директор сказал одно, а учитель говорит другое — значит, нужно немедленно согласовать».

Соня потянулась за телефонной трубкой, явно собираясь позвонить директору и уточнить, что ей теперь делать.

— Ты что собралась делать? — всё же спросил я, хотя ответ был очевиден.

— Ну... как... Леониду Яковлевичу хочу позвонить...

Она не успела закончить. Я взял трубку из её руки и мягко поставил обратно на рычаг.

— Не нужен нам никакой Леонид Яковлевич, — отрезал я, сбивая Соню с толку.

— Но..., но почему? — растерянно выпалила она. — Олимпиада же находится в его компетенциях...

Друзья, прошу не забыть поставить лайк книге и написать отзыв! Вам не сложно, а автору приятно:)

Глава 4

— Потому что потому, Соня, что всё кончается на «у», — сказал я.

Завуч стояла в полном недоумении и всё ещё сжимала в руках телефон. Я аккуратно перехватил её кисть, мягко, но уверенно отодвинул телефон в сторону, чтобы она больше не пыталась в панике кому-то звонить. И наконец забрал трубку и повесил её на рычаг.

— Давай без лишних движений, — попросил я. — Нам сейчас нужен не звонок, а ясная голова. Соня опустила глаза, сопротивляться она не стала.

— Володя, может, ты обозначишь, что происходит? — прошептала завуч.

— Ситуация простая и мерзкая, — сказал я. — Леонид действительно принял решение отказаться от Олимпиады. Более того — он уже подготовил официальный отказ от участия школы. И сделал это, не уведомив ни меня, ни Марину. Да и тебя, как я понял, он не предупредил, а поставил перед фактом в последний момент.

Соня смущённо кивнула, поправила воротник, чтобы хоть чем-то себя занять. Видимо, ей внутренне не хотелось признавать факт, что директор действительно поставил её перед фактом.

— Да... Леонид Яковлевич мне буквально обмолвился, но... без объяснений, — призналась она. — И, честно, ничто ведь не намекало, что он вот так передумает. Мы с тобой обо всём тогда договорились, что Олимпиаде быть...

Она запнулась и подняла на меня глаза.

— Ты уверен, что он уже направил отказ?

— Уверен, — подтвердил я без колебаний.

Сунул руку за пазуху, достал аккуратно сложенный пополам лист и положил на стол между нами. Документ мягко скользнул по столешнице и остановился прямо перед завучем.

— Вот он. Тот самый отказ, — пояснил я. — Он действительно собирался отправить его, уже расписался... но, — я пододвинул лист ближе к Соне, чтобы она могла рассмотреть дату, подпись и печать, — вот он перед тобой. Неотправленный.

Завуч встрепенулась, коснулась пальцами документа, пробежав глазами по его строкам.

— Подожди... — её голос завибрировал. — Если он уже собирался подать отказ...

Соня запнулась, и в её глазах мелькнула тревога. Она покосилась на меня.

— Почему же Леонид Яковлевич отказ не подал? — наконец спросила завуч.

— Потому что этот документ теперь у меня, — объяснил я, чуть усмехнувшись. — И Лёне об этом знать совершенно не обязательно.

Соня не успела даже удивиться, как я, не сводя с неё глаз, взял лист и медленно начал разрывать его на части. Бумага хрустела, превращаясь в мелкие, бесформенные клочки, и ещё через мгновение белые ошмётки осыпались на стол.

Завуч побледнела и буквально сжалась в комок.

— Владимир Петрович... — изумлённо прошептала она. — Так нельзя... это же официальный документ... так же... так же нельзя с ним поступать...

Завуч, чтобы унять тремор, прижала ладони к столу, будто пыталась удержать остатки дисциплины и порядка, на которых строилась её работа. Её возмущение рвалось наружу тихо, но болезненно, как если бы она сдерживала плач.

— Можно, Соня, — заверил я, подмигнув. — Ещё как можно. Просто делать это нужно аккуратно и вовремя.

Завуч судорожно выдохнула, стараясь привести мысли в порядок. Видно было, с каким ужасом она смотрит на порванные бумажные клочки, разбросанные по столешнице.

— Владимир Петрович... — наконец сказала она. — Вы просто... вы не понимаете. У школы сейчас очень большие сложности. Финансовые. Бюджетные. У нас дыра по всем направ-

лениям, и если Олимпиада ляжет на плечи школы... — она попыталась удерживать голос ровным, но в конце всё же сорвалась. — Леонид Яковлевич объяснил мне всё вчера. Он сказал, что это... что это просто невозможно...

Я внимательно смотрел на Соню и всё понимал без лишних пояснений. Завуч действительно поверила тому, что наговорил ей директор. По итогу Соня ничего не проверила, ни в чём не разобралась...

И сейчас, когда я буквально разорвал версию реальности Лёни у неё на глазах, она чувствовала себя человеком, которого использовали.

Соня, уверен, могла бы докопаться до сути позже, когда эмоции схлынут, а в голове появится место для анализа. Но сейчас она действовала как человек системы. У такого — приказ получен, приказ должен быть выполнен.

Никаких «почему?» или «откуда?». Оно, впрочем, и понятно — в бюрократии точно так же, как в армии: шаг влево, шаг вправо — лишние проблемы. Не хочешь неприятностей — тогда делай, что велели.

Но у меня на подобную логику был совершенно другой взгляд.

— Так, Соня, — отрезал я, — теперь послушай меня внимательно.

Она не перебивала. И правильно делала. А я рассказал ей всё — от первой до последней детали. И про то, как директор с утра вызвал Марину, и как настойчиво требовал заявление, не оставляя выбора. Рассказал про тот самый отказ от Олимпиады, который он попытался проташить, минуя и меня, и Марину, и даже её саму. Ну и про то, что именно я услышал в кабинете Лёни по смете, о чём понял и на что обратил внимание.

С каждым моим словом лицо Сони менялось всё сильнее. Сначала на нём появилась лёгкая озабоченность, потом она сменилась напряжением, следом появилась растерянность. Ну а под конец на её лице застыл испуг. Завуч явно впервые слышала всё это.

— Постой... — выдохнула она. — Но мне же известно... мне же Марина сама сказала, что подала заявление добровольно... по собственному желанию... — Соня запнулась, как будто сама услышала, насколько нелепо звучит эта версия. — Не может быть, чтобы Леонид Яковлевич принуждал её увольняться. Да она... ну... да, она девчонка ещё совсем зелёная, и ей точно нужно набраться опыта. Надо научиться без эмоциональных взрывов работать с этим адским контингентом, но...

Соня осеклась. Сделала вдох — длинный, медленный. Посмотрела на меня, как будто боялась услышать подтверждение собственных догадок.

— Володя... — выдавила она еле слышно. — Неужели... неужели Леонид Яковлевич действительно решил избавиться от Марины сам?

— А знаешь, почему Яковлевич так решил? — хмыкнул я. — Ты вообще задумывалась, зачем всё это директору? Подумай. Полезно будет хотя бы ради собственного спокойствия.

— Я... я не знаю, — она нервно сжала пальцы в кулаки. — Даже не догадываюсь. Лучше ты сразу скажи.

— Скажу, — кивнул я. — Потому что у нашей школы, как выяснилось, появилась одна весьма интересная статья затрат.

У Сони на лице всё отразилось мгновенно: глаза распахнулись, губы превратились в узкую полоску и побледнели. По реакции было абсолютно ясно, что об этом завуч слышит впервые.

— Какая ещё статья затрат? — прошептала она. — У нас же денег нет... вообще. Поэтому мы и отказываемся от Олимпиады, Володь.

— Соня, — я чуть наклонился вперёд. — Есть одна очень занятная смета. И, похоже, что о её существовании не знаешь даже ты.

Завуч зависла, переваривая мои слова.

— И что... — сипло выдавила она. — Что это за смета?

— А вот это самое интересное, — продолжил я. — Смета, судя по всему, каким-то загадочным образом связана с фирмой нашего трудовика.

— Господи... — прошептала Соня. — Какой кошмар...

— Ну, кошмар или нет — это мы посмотрим позже, — сказал я честно. — Но факт остаётся фактом: деньги у школы есть. И, как я понимаю, немалые. Просто они идут мимо... И уж точно у Яковлевича нет никакого дефицита, о котором он тебе напел.

Соня медленно переваривала услышанное. Выглядела она так, словно её привычная картина мира трещала по швам.

— Да не может такого быть... — почти неслышно сказала Соня. — Леонид Яковлевич хоть и занял моё место, но он никогда... никогда не пойдёт на подобные риски. Он же профессионал. Он не допустит такого бардака...

— Профессионал? — я усмехнулся. — Ну если речь идёт о том, как завышать смету — тут да, работает он действительно мастерски.

Завуч молчала.

— Сонь, — продолжил я мягче. — Не ты ли сама говорила, что именно Яковлевич принял на работу нашего... хм, уникального трудовика?

Соня приоткрыла рот, чтобы что-то возразить, но сказать так ничего и не сказала. Медленно закрыла рот и лишь коротко кивнула. Возражать действительно было нечего: факты-то лежали прямо на поверхности.

— Ты, похоже, прав, Володя... — наконец выдала она, медленно проводя рукой по лбу. — Абсолютно прав. И теперь, когда я узнала, что это за человек этот... наш трудовик, — она почти выплюнула последнее слово, — я уверена, что ему плевать на детей. Ему и на работу-то плевать. А если он держится здесь, значит... значит, у него с этого что-то есть.

— Придерживаюсь того же мнения — значит, выгода действительно есть, — подтвердил я. — И наша с тобой прямая задача — понять, в чём именно эта выгода заключается. И куда должны были уйти те самые деньги школы, которых «нет в бюджете» по версии нашего дорогого директора.

Я решил не оставлять недосказанностей, поэтому продолжил.

— Я бы, честно говоря, очень хотел ошибиться, Сонь, — сказал я, пристально глядя ей в глаза. — Но уж слишком стройная картина вырисовывается. Слишком правильная для того, чтобы быть случайностью.

Завуч сглотнула. Теперь она видела ту картину, которую я видел ещё час назад. И она ей категорически не нравилась. Настолько не нравилась, что девчонка нервно прикусила губу.

— Поделись со мной всем-всем, что ты знаешь, Володь, — попросила она шёпотом.

— Хорошо, — согласился я. — Только слушай внимательно.

Я сделал паузу, чтобы собрать мысли, и продолжил:

— Похоже на то, что Леонид с самого начала не верил в 11-Д класс. И уж точно не верил в их победу. Более того, — я усмехнулся, — у меня складывается ощущение, что он никогда в них не верил. Никаких шансов не давал — в своей голове, по крайней мере. И когда он это для себя окончательно решил, тогда и появился в школе наш замечательный трудовик.

Соня дёрнулась, но молчала, жадно ловя каждое слово.

— Кто первый подал идею — директор или трудовик, я, честно, не знаю. Да это и не так важно. Важно другое — школе грозит закрытие. Решение ещё не принято, но всем понятно, куда всё движется. И вот как только Леонид всё это для себя осознал... он сделал вывод. Очень простой и очень циничный.

— Какой, Володь...

— Он решил, что тратить бюджет на школу, которую всё равно закрывают, — неразумно. Кому это нужно? Детям? Учителям? Разумеется, нет. Он решил, что тратить эти деньги куда выгоднее..., но не на школу.

Завуч выглядела так, как будто в любой момент грохнется в обморок.

Я же продолжил:

— Годовой бюджет уже выделен. А раз школа «почти закрыта», то он решил: почему бы не написать красивые бумажки о расходах, ничего не потратить на деле и... — я щёлкнул пальцами, — просто забрать эти деньги себе в карман? А трудовик, через которого будут отмывать, — в доле. Всё элементарно.

Соня покачнулась, будто теряя равновесие. Она долго молчала. Видно было, что разум завуча отчаянно сопротивляется услышанному, пытается найти хоть какую-то лазейку и малейшее рациональное возражение.

Но выхода не было.

— Володя... — наконец решилась она. — Но как это может быть? Как вообще возможно, что... — она сглотнула, смачивая пересохшее горло, — выходит, что Леонид Яковлевич... вор?

Я видел, как ей трудно это произнести. У Сони рушится образ человека, которого она считала коллегой, руководителем и профессионалом. А я лишь сказал, не отведя взгляд:

— Соня. Вор — это тот, кто берёт чужое. А тот, кто крадёт у детей и школы... — я сделал паузу, — даже хуже, это крыса.

Дальше я перешёл к деталям.

— Судя по тому, что ты сама мне говорила, у трудовика есть своя фирма. И фирма эта напрямую связана со строительством. Поэтому я ни капли не удивлюсь, если в той самой смете, о которой я сегодня краем уха услышал, речь пойдёт о «ремонте школы». Ремонте, которого не было... и не будет.

Мне начало казаться, что Соня постепенно приходит в себя и берёт себя в руки.

— Это... это невозможно... — пролепетала она.

Потом замолчала, отвела взгляд в сторону и, уже более твёрдо, добавила:

— Хотя, знаешь, Володь, раньше я бы сказала, что такого не может быть. Но теперь... Теперь, зная нашего трудовика, я понимаю, что такое как раз может быть... Что ты собираешься со всем этим делать?

Завуч смотрела на меня с тревогой, почти с мольбой.

— Соня, — сказал я, — я работаю не с догадками, а с фактами. Меня интересуют не эмоции и не предположения. Мне нужна смета. Та самая, которую наш директор сегодня обсуждал со своим утренним гостем и с трудовиком.

Я сделал паузу, ненадолго задумавшись.

— Пока у меня нет этой бумаги, я не сделаю окончательных выводов. Не люблю стрелять вслепую. Мне нужны факты, подписи, суммы. Тогда и займёмся делом.

Соня резко поднялась со стула, так стремительно, будто собиралась сорваться с места и бежать в кабинет директора.

— Ты прав. Я сейчас же пойду к Леониду Яковлевичу и всё выясню! — сказала она и уже потянулась к двери.

Я поднял ладонь, останавливая её.

— Погоди, дорогая. Придержи коней, — остановил я её.

Она дёрнулась, словно споткнулась на ровном месте, но застыла.

— Не надо сгоряча ломиться в кабинет и переводить всё на эмоции. Мы не имеем права ошибиться, понимаешь?

Соня медленно стекла обратно на стул, всё ещё дрожа от желания действовать немедленно. Её изнутри буквально пожирала сама мысль о бездействии.

— Но почему, Владимир?! — Соня вспыхнула искренним возмущением. — Я ведь как завуч имею полное право знать такие нюансы от и до!

Она начала покачиваться взад-вперёд, словно готова была уже сейчас сорваться к двери директора. И Соня не понимала, почему я её останавливаю.

— Право иметь ты можешь, Сонь, — ответил я. — Но вот идти туда сейчас и делать это открыто — категорически нельзя. Здесь всё надо делать аккуратно. Ни директор, ни трудовик, ни кто-либо ещё вообще не должны знать, что ты что-то понимаешь. Пусть оба продолжают думать, что у них всё под контролем. Ну а ты в их глазах должна оставаться простушкой, которую легко обвести вокруг пальца.

Соня выпучила глаза и снова вскочила, за малым не перевернув стул.

— Но... зачем?

— Затем, что только в таком режиме у нас с тобой будут развязаны руки, — пояснил я. — И для этого нам прежде всего нужна та самая смета. Без конкретики ты будешь лишь эмоционировать, а я — действовать вслепую.

Завуч не сразу села обратно. Явно боролась с импульсом всё же пойти к кабинету директора и в лоб выяснить отношения. Но я видел, что мысль таки начала укладываться у неё в голове. Соня молчала, опустив взгляд на стол, будто пытаясь собрать рассыпанный внутренний пазл воедино.

Пару долгих секунд — и завуч подняла взгляд. Теперь в её взгляде была не растерянность, а смесь решимости и тихой злости на происходящее.

— Наверное, ты прав, Володя, — согласилась она. — Нам действительно нельзя раньше времени поднимать шум... иначе всё рухнет, и мы потеряем единственный шанс разобраться.

— Об этом я тебе и говорю.

Соня смотрела на меня с холодным огоньком в глазах.

— Хорошо. Я доверяю тебе. И если мы уже ввязались в это, то давай так: я полностью в твоём распоряжении. Скажешь, что мне делать — сделаю. Только скажи, как именно мы будем действовать дальше.

— И правильно, Соня, — заверил я. — Только тебе нужно наконец уяснить одну простую, но жизненно важную истину. В этом мире далеко не все такие честные, прямые и пушистые, как ты. Чем раньше примешь это — тем легче станет жить дальше.

Завуч нахмурилась; по всему виду было видно, что фраза ей не понравилась.

— Володя..., а что если Леонида кто-то заставляет? — осторожно спросила она.

Я думал на этот счёт и, естественно, допускал такой вариант.

— Не исключаю, что директор действует не по собственной воле. Но пока мы не знаем всех деталей, любые версии — это только версии. Поэтому сейчас ещё раз всё обдумай. И принимай решение окончательно.

— Какое именно? — спросила завуч.

— Ты со мной или нет. И ещё, Соня. Если ты откажешься — я тебя пойму. В это всё лучше вообще не лезть неподготовленным: риск есть, и немалый. Никакой гарантии, что всё закончится хорошо, нет. Ты должна понимать последствия и взвесить свой шаг, прежде чем дать мне окончательный ответ.

Соня ответила не сразу. В отличие от многих в этой школе, завуч действительно переживала за дело и за детей, а не за очередную бумажку или свою должность.

Она расправила плечи и уверенным голосом выдала:

— Я согласна, Володя. И я готова делать всё, что нужно! Пойду с тобой до конца, чем бы всё ни закончилось. Более того, я склонна тебе доверять. Говори, что делать прямо сейчас.

— Как я уже сказал, первое и главное: ты должна продолжать делать вид, что полностью поддерживаешь решение директора об отказе от участия в Олимпиаде. Пусть Леонид, трудовик и все, кто в этой истории может оказаться замешан, думают, что ты заняла нейтральную позицию. И да, пусть думают, что основная угроза для них сейчас — это я.

Соня кивнула, но нахмурилась ещё сильнее.

— Это даст эффект? — уточнила она.

— Более чем, — заверил я. — Они сосредоточат внимание на каждом моём шаге. Будут ждать, что я полезу туда, куда, по их мнению, не должен. А значит — отвлекутся. И это развяжет руки тебе.

Соня подняла брови и закивала, до неё дошёл смысл сказанного мной.

— Но я же не буду всё это время сидеть сложа руки, Владимир, — быстро сказала она. — Я же не могу... Я же не... ну это же преступное бездействие! Я не могу просто ходить и изображать, что ничего не понимаю! Не буду же я ничего не делать?!

Она уже почти переходила в свой привычный режим «мымры-берсерка». Хорошая завуч, но эмоции у неё иногда шли впереди разума.

— Не будешь, — остановил я её. — Конечно же не будешь. У тебя будет конкретная задача, и очень важная.

— Я постараюсь... нет, — поправила себя она, — я обязательно найду смету.

Вот честно, мне нравилось такое воодушевление, у завуча аж глаза горели.

— Умница, — кивнул я. — И второе. Мне понадобится твоя подпись на документе о том, что школа подтверждает участие в Олимпиаде. Я правильно понимаю, что ты, как заместитель директора, имеешь право подписывать такие бумаги?

Глава 5

— Да, — подтвердила Соня. — Я имею право подписи.

Она помолчала секунду и добавила осторожно:

— Но, Володя, там ведь ещё требуется печать... Одной подписи будет недостаточно, чтобы документ считался официальным.

Я приподнял бровь, изображая удивление.

— А в чём проблема? Печать что, хранится в сейфе под семью замками?

Соня вспыхнула. Щёки моментально залились румянцем, и она отвела взгляд.

— Ты... намекаешь на то, чтобы я... — она замаялась, не договорив.

Я выдержал паузу, но не дал ей уйти от разговора.

— Просто ответь — есть техническая сложность достать печать, или это вопрос твоей внутренней тревоги?

Соня снова поднялась и, сцепив пальцы за спиной, заходила вперёд-назад по кабинету.

— Формально, — начала она шёпотом, — я могу поставить печать вместо директора. Доступ к ней у меня есть. Но...

— Но? — уточнил я.

Соня закрыла глаза на секунду, будто борясь сама с собой, затем посмотрела на меня:

— Но это... неправильно, Володя. Это нарушение. Я никогда такого не делала. И я... боюсь сделать ошибку. Боюсь, что если всё вскроется, то под ударом окажусь именно я.

Она села обратно за стол и всплеснула руками, было видно, что завуч серьёзно нервничает.

Я накрыл её ладонь своей и крепко сжал.

— Соня, мы не совершаем преступление. Мы защищаем школу, детей, твою работу и всю эту чёртову систему, которую сейчас пытаются слить в унитаз ради чужого кармана.

Я говорил уверенно, чтобы у завуча не осталось никаких сомнений.

— Ты не ставишь печать ради меня, — продолжил я. — Ты ставишь её ради дела. Без твоей подписи нам просто не дадут хода, и тогда школу закроют, а деньги растащат.

Соня медленно, чуть дрогнувшей рукой убрала прядь волос за ухо и кивнула:

— Хорошо, Володя. Но есть одно «но». Я могу поставить подпись и печать только тогда, когда директор в отпуске или на больничном. В любой ситуации его фактического отсутствия. И вот проблема... — она вздохнула. — Директор сейчас в школе. И если мне понадобится печать, я буду вынуждена просить её у него лично.

Она перевела дух и добавила:

— Леонид Яковлевич за печатью следит очень тщательно. Она лежит не в сейфе, но в его столе — в выдвижном ящике, который он всегда закрывает на ключ. А ключ он носит с собой.

Я молча кивнул. Картина вырисовывалась чёткая. Да, можно было, конечно, пойти по самому простому маршруту — отправить директора «на больничный». Просто создать ситуацию, когда он сам будет вынужден покинуть школу. Ну или мягко вынудить его уйти домой на пару часов. Методы были разные, вплоть до очень радикальных. И все они работали бы.

Но сейчас — пожалуй, рано для радикальных решений.

Мысль о том, чтобы искусственно устранять директора, я отбросил сразу. На такую открытую игру переходить нельзя. Всё-таки вокруг слишком много глаз и ушей. Одно неверное движение — и всё внимание моментально переключится на меня. А это разрушит план до основания.

Нам требовалась точность. Аккуратность хирурга. И минимальный шум.

— Понял, — сказал я. — Значит, действуем иначе.

Соня вопросительно подняла брови.

— Мы сделаем так, — продолжил я. — В нужный момент Лёня должен быть не в кабинете, но при этом директор даже не приблизится к мысли, что его отсутствие кому-то было важно. Лёня не должен заметить ни малейшего вмешательства.

Соня слушала, внимательно ловя каждую деталь.

— Он уйдёт сам. По своей инициативе и причине, которая для него будет абсолютно естественной, — сказал я, уже выстраивая комбинацию в голове. — А когда директор выйдет, ты спокойно зайдёшь, возьмёшь печать и поставишь её туда, куда нужно. Ну и у тебя, естественно, будет ключ.

Соня проглотила комочек, вставший поперёк горла, и медленно кивнула. Завуч понимала, что план вырисовывается и что её роль в нём станет ключевой.

— Мы что-нибудь обязательно придумаем, — заверил её я. — И, если всё сложится так, как я думаю, сделаем это уже сегодня. Не вижу смысла откладывать дело в долгий ящик.

— Я очень на это рассчитываю, — призналась она. — Я терпеть не могу ждать. Меня это прям... конкретно бесит!

Я усмехнулся краем губ.

Пламя упрямства и злости на произошедшее горело в Соне уже открыто. Девчонка буквально рвалась в бой. И теперь я только утвердился в своей оценке. Мотивация у завуча действительно на голову выше, чем у всего остального педсостава.

И неудивительно.

В этой школе работали мать и бабушка Сони. Это её дом, наследие, и мысль о том, что школу закроют, разорвёт ей душу. Плюс у неё оставалась скрытая, но глубоко сидящая обида на директора, который, как Соня считала, занял то кресло, которое по праву должно было принадлежать ей.

Она должна была быть директором и была к этому готова. Но место занял Леонид. И сейчас ситуация дала ей шанс взять реванш...

— Тогда по рукам, — сказал я и протянул завучу руку, чтобы закрепить договорённость.

— По рукам, Володя. Я в деле, — твёрдо сказала Соня.

Она пожала мою руку так крепко, что любой мужик бы уважительно хмыкнул.

— Спасибо тебе... за то, что доверился мне и рассказал всё как есть, — поблагодарила меня завуч.

Соня всё ещё была бледная и ошеломлённая. До неё только сейчас окончательно доходило, что весь этот бардак происходил у неё под носом. А она, завуч школы, об этом даже ничего не подозревала. Я видел, как под тонкой оболочкой её профессиональной выдержки бушевало возмущение и острая, болезненная обида.

— Теперь слушай. Мне прямо сейчас нужна от тебя вся информация по олимпиаде, — попросил я.

Соня мгновенно собралась. Коротко кивнула, давая понять, что услышала.

— У меня сейчас урок физкультуры у 11-го «Д», ребята уже ждут, — продолжил я. — Нам нужно обсудить подготовку и распределить работу. До Олимпиады не так уж много времени, а тянуть уже нельзя.

Соня молча открыла нижний ящик стола и извлекла оттуда толстую папку. Папку, аккуратно подшитую, с наклейкой по всей длине, написанной крупными, чёткими буквами:

ОЛИМПИАДА.

Фирменный почерк Сони — порядок, структура и учёт каждой мелочи. Всё подписано, разложено по полочкам.

Завуч положила папку передо мной, чуть придвинула её.

— Вот смотри, Володя, это всё, что у меня есть по олимпиаде. Я ведь тоже готовилась к её проведению и рассчитывала, что мы сможем выиграть, — призналась Соня.

Я взял папку, раскрыл её и сразу понял, что попал на территорию, в которой ничего не понимаю. Никогда раньше я не был школьным учителем, а уж о том, как устроена школьная олимпиада... о таком я представления не имел тем более.

Поэтому я читал внимательно, вдумчиво, стараясь уловить хотя бы общий смысл, чтобы не выглядеть полным профаном.

Выяснилось, что олимпиада проводится на уровне муниципального округа, и участвовать в ней будут несколько школ, входящих в этот самый округ. Я ожидал увидеть стандартный набор спортивных испытаний, ведь физкультура у меня всегда ассоциировалась именно с этим. Ну не знаю там — бег, силовые упражнения, игры, нагрузки. Но, как оказалось, всё было куда хитрее.

Помимо практической части существовала ещё и теоретическая. И вот это слегка сбilo меня с толку. Практика включала гимнастику и какие-то «спортивные игры». Теория состояла из набора вопросов и заданий, смысл которых я поначалу старался хотя бы приблизительно уловить.

Я перелистывал листы один за другим, вчитывался в каждую строчку, и чем глубже погружался, тем яснее понимал, что придётся разбираться серьёзно и обстоятельно, если мы действительно собираемся побороться за победу.

В разделе про «гимнастическую» часть Олимпиады я сразу отметил для себя, что здесь всё расписано куда строже, чем я ожидал. Испытания предназначены и для девушек, и для юношей, а проводились они в формате выполнения акробатических упражнений. Причём не в свободной форме, а строго по обязательной программе. Слово «обязательной», кстати, было выделено так, будто автор правил лично ненавидел всякое творчество.

Как и говорил Лёня, для участия требовалась специальная форма. У девчонок выбор ограничивался купальниками, комбинезонами или футболками с лосинами. При этом раздельные купальники были прямо запрещены. Запрет выглядел вполне логичным — всё-таки школьная олимпиада, а не пляжный фестиваль.

У юношей всё было немного проще: гимнастическая майка, трико или спортивные шорты, но обязательно выше колена. Вот это меня и зацепило: почему, собственно, ниже колена нельзя? Шорты же есть шорты. Казалось бы, какая разница? Но раз организаторы так решили, значит, есть какой-то свой хитрый регламент, который я ещё не раскопал.

Все эти подробности я решил разобрать более внимательно чуть позже. Сейчас же я перелистнул дальше — к разделу под названием «Порядок выступлений». Здесь всё выглядело куда понятнее. Участников делят на группы, каждая группа выходит по очереди... ясно-ясно. Выступают, оцениваются судьями... Всё вроде бы стандартно и даже скучно.

Но одна деталь заставила меня остановиться и перечитать строку ещё раз — каждому участнику даётся только одна попытка. Одна — и точка. Без второго шанса и «попробую ещё раз». Вот, на самом деле, уже важная информация. Стоит запомнить.

В остальном раздел оказался вполне предсказуемым. Я пробежался глазами по остатку текста, не заметив никаких подводных камней.

Я листал документы дальше, стараясь не пропустить ничего важного. Быстро пробежал взглядом по пунктам, где говорилось о «разминке» и о возможности «повторного выполнения упражнения», но по усмотрению главного судьи. Логика была ясна: строгость, дисциплина, никаких лишних поблажек. Задерживаться здесь особого смысла не было, поэтому я перелистнул к следующему разделу.

Пункт под номером пять заставил меня чуть замедлиться. Состав и принципы формирования судейской коллегии. Я перечитал его дважды, чтобы ничего не упустить. Всё выглядело аккуратно и официально, но между строк чувствовалось именно то, о чём я уже успел подумать. Судьи — это потенциальная проблема.

Слишком многое зависело от их честности, а честность в школах, где финансирование течёт рекой, обычно входит в комплект вместе с возможностью «договориться». Я прямо видел эти аккуратные подсунутые конверты, незаметные звонки и родительские комитеты, которые решают вопросы не только с учебниками.

Но пока рано было этому уделять внимание — мне ещё предстояло понять саму структуру испытаний. Поэтому я спокойно продолжил чтение.

Следующий раздел подробно описывал программу, которую должны пройти участники. Там было сказано, что все упражнения выполняются либо на гимнастической дорожке, либо на ковре. Всё та же гимнастика, гимнастика и ещё раз гимнастика. И чем больше я читал, тем сильнее у меня возникало ощущение, что физкультурный компонент тут сводится к одному-единственному виду спорта. Тогда как большинство ребят, вообще-то, ближе к игровым дисциплинам, силовой нагрузке — всему, что делает уроки физкультуры живыми.

Я решил разобраться, что именно ожидают от девчонок в гимнастической части. Мне нужно было чётко понимать уровень, чтобы потом грамотно распределить силы. Я прочитал перечень упражнений внимательно, почти вдумчиво, стараясь представить, сможет ли среднестатистическая школьница выполнить это без риска свернуть себе что-нибудь.

Как пример, здесь был представлен комплекс упражнений. Начиналось всё с маха одной рукой, толчка другой, затем требовалась стойка на руках. После неё — кувырок вперёд, аккуратный подъём, шаг вперёд и обязательное равновесие. Упражнение, которое в правилах называлось «ласточка». Его нужно было удержать, а после этого перейти к стойке с поднятыми вверх руками и выполнить мах, толчок и два боковых переворота — классическое «колесо».

Каждый элемент оценивался отдельно: простые — на полбалла, сложные — на целый балл. К концу упражнения участница получала суммарный результат, который и определял её итоговое место.

Логично? Вроде бы да. Понятно? Формально — вполне. Но никакой объективности здесь по определению быть не могло. Всё держалось на мнении судей, их вкусе, настроении, симпатиях и связях.

Но лирическое отступление быстро закончилось. Я перелистнул дальше и увидел, что кроме гимнастики есть и командные виды спорта. Футбол, баскетбол — всё привычно. А вот слово «флорбол» заставило меня нахмуриться. Пришлось достать телефон, набрать в поиске и через секунду прочитать на экране: «хоккей с мячом в зале».

Ну окей. Хоккей с мячом — так хоккей с мячом. В целом понятно, играть можно, тренировать можно и выигрывать тоже можно. Хотя рассчитывать, что Олимпиада возьмётся нахрапом, — это, конечно, глупость. Тут придётся подходить системно, с головой и с планом.

Разобравшись с «практикой», я перешёл к теоретической части. Именно она, на мой взгляд, могла преподнести самые неожиданные сюрпризы. Бумага всё-таки коварная штука. Я углубился в текст: — «Вам предлагаются задания, основанные на содержании образовательных программ по предмету „Физическая культура“...»

Я вздохнул и почесал висок. Углубился в описание теоретической части, и чем дальше читал, тем сильнее у меня начинало дёргаться веко. Все задания были аккуратно разбиты на шесть типов: тесты с выбором одного верного ответа, задания, где правильный ответ нужно вписать вручную, процессуальные задания, где требуется указать последовательность действий. И даже какие-то алгоритмические конструкции, от которых у нормального школьника мозг должен был плавиться сходу.

Я пробежался глазами, попытался уловить логику... и только убедился: да, моя формула «понятно, что ничего не понятно» по-прежнему работала идеально.

Судя по всему, организаторы решили, что ученик должен быть одновременно и спортсменом, и маленьким бухгалтером, и историком Олимпийского движения. Для моих ребят это, мягко говоря, не праздник. Но поскольку участие в теории — обязательное, придётся выкру-

чиваться. А значит, нужно заранее придумать, как их хотя бы уверенно провести через весь этот лабиринт.

Я пролистнул примеры заданий. Первый вопрос выглядел вполне «приятно»: «Какие события повлияли на то, что игры VI, XII, XIII Олимпиад не состоялись? А) несогласованность действий стран; Б) отказ от участия большинства стран; В) Первая и Вторая мировые войны; Г) отказ стран-организаторов».

Я уставился на варианты — да чёрт его знает, кто вообще помнит нумерацию этих Олимпиад? Это же надо сидеть и специально зубрить.

Следом шёл вопрос ещё веселее: «Слово „стадион“ произошло от: А) греческой меры длины 192,27 м; Б) места проведения соревнований по пентатлону; В) названия здания, где тренировались атлеты; Г) места проведения соревнований по древнегреческому пятиборью».

И вот выбери теперь одну букву, чтобы не выглядеть идиотом. Я честно признавался самому себе, что понятия не имею, какая из букв была правильной. Да и в школе такой ерундой, насколько помню, нас не мучили. Сталкиваться с этим сейчас, в рамках физкультурной Олимпиады... ну что ж, прекрасно.

Я медленно закрыл папку и на секунду задержал на ней ладонь. Честно говоря, всё оказалось не просто «немного» сложнее, чем я ожидал. Нет, это был прямо полноценный квест. Я-то думал: ну олимпиада, побегают, попрыгают, поборются — а там как пойдёт. Как оказалось, здесь нужно пройти и огонь, и воду, и историю спорта.

Но одно я понимал совершенно чётко. Если мы в это ввязались, то будем не просто участвовать. Мы будем выигрывать. Причём выигрывать так, чтобы ни у одной школы и ни у одного судьи или маменькиного спонсора не возникло вопросов.

Я поднял голову и встретился взглядом с Соней. Она всё это время терпеливо ждала, пока я дочитаю документы.

— Так, с твоего позволения я заберу всё это с собой. Хочу нормально сесть, всё перечитать и уже решить, кто у меня на что годится — и по девчонкам, и по пацанам. Надо понять, кто в какой дисциплине может выступать от школы.

— Мне кажется, Володя, что делать всё это нужно как можно быстрее, — сказала Соня.

— побыстрее — это насколько?

Соня покосилась на дверь, будто проверяя, не услышит ли кто лишнего.

— В идеале — сегодня. Если мы собираемся подавать заявку официально, то со всеми бюрократическими задержками нам нужно успеть максимум до вечера, — потом она едва слышно добавила: — И печать директора... её тоже нужно будет поставить сегодня.

Я задумался на секунду, чтобы прикинуть последовательность действий.

— Раз нужно — значит, сделаем, — отрезал я. — Так, Соня, еще раз конкретно: что от меня требуется для подачи?

— Список участников и список дисциплин, в которых мы будем участвовать. Это главное. Ну и... печать надо раздобыть. И желательно без скандала.

Я хмыкнул, мне почему-то нравилось, как девчонка переживала.

— Хорошо. Ещё один момент. Я же правильно понимаю, что чем больше дисциплин мы закроем, тем лучше?

— Да, Володя, — Соня кивнула. — Тогда у школы будет больше баллов и выше шанс занять место в тройке.

— Нет, — поправил я её. — Не в тройке. Намотай себе на ус, что мы с ребятами идём выигрывать. Так что давай сразу верить в команду, без экономии оптимизма.

Соня чуть улыбнулась.

— Это будет трудно, — призналась она. — Я говорю тебе честно, Володя. Другие школы начинают подготовку совсем не за месяц до Олимпиады. Они тренируются заранее, иногда

— по полгода. У них всё расписано, всё выверено... Мы ведь реально выходим в последний момент...

— Да мне, если честно, не впервой работать в условиях повышенной сложности, — перебил я. — Что-нибудь придумаем, выкрутимся. Мы же не из тех, кто сдаётся на старте.

Я поднялся из-за стола, аккуратно убрал папку за пазуху. Сейчас самое время было идти на урок физкультуры и обсудить всё с ребятами.

— Ладно, Соня, жди. Будь на связи, — сказал я, направляясь к двери. — Я могу позволить тебе в любой момент, как только начну всё собирать в кучу.

— Я поняла, Володя, — кивнула завуч. — Сегодня держу телефон при себе весь день.

Конечно, я понимал, что будет непросто. Это и ежу понятно. Другие школы начали подготовку задолго до нас. Плюс судейский корпус... та ещё лотерея.

Но где наша не пропадала. Приходилось решать вопросы и куда сложнее, и в куда более неприятных условиях.

Тут на первый план выходила мотивация. Ребята из моего класса, пацаны, девчонки — они живут не в тепличных условиях. Им привыкать к трудностям не надо. У них есть голод — жажда доказать, что они могут больше, чем за них решают обстоятельства. И этот голод, если его правильно направить, делает команду неуправляемой.

Самое главное — правильно донести это ребятам, чтобы загорелись. У них ведь есть искра, но её нужно разжечь...

Уже у двери я остановился, на секунду задумался, затем снова повернулся к Соне. Завуч сидела за столом и растерянно хлопала ресницами, ожидая продолжения.

— Сонь, подскажи мне один момент, — сказал я.

— Конечно, спрашивай, Володя, — откликнулась она, а потом виновато добавила: — Только, если ты не против, я продолжу краситься. Ну не могу же я сидеть тут как привидение.

— Да ради бога. Красься, сколько влезет, — подтвердил я. — А вопрос такой — что будет школе за выигрыш Олимпиады, мне понятно. А вот нашим ученикам что это даёт? Какие плюсы есть для них? Что они получают за победу?

Соня встрепенулась, видно, я наконец перешёл к теме, по которой она могла провести лекцию хоть на три часа. Экспертность в её глазах вспыхнула мгновенно. Зеркальце щёлкнуло, захлопнувшись.

— Ну, Володя, как тебе сказать... — начала тараторить завуч. — Это же целый ряд преимуществ, тут много всего. И социальные бонусы, и реальные, и долгосрочные преимущества. Для каждого ребёнка это шанс показать себя, вырваться вперёд, закрепить результат, почувствовать уверенность...

Я поднял руку, чтобы остановить её поток энтузиазма.

— Сонь, всё это, конечно, очень интересно и занимательно, но давай ближе к делу. Скажи простыми словами: если кто-то из моих ребят возьмёт Олимпиаду, что конкретно он получит? Какие ништяки будут у школьника за победу?

Соня чуть смутилась — было видно, что она собиралась развернуть целую лекцию. Но обиды не возникло. Завуч перешла к сути.

— Ну-у... — протянула она. — Давай так: диплом победителя Олимпиады как минимум облегчает путь школьнику в выбранный вуз. Насколько сильно — зависит уже от уровня Олимпиады, её профиля и направления, на которое ребёнок будет поступать. Но в любом случае это очень серьёзный плюс.

Она говорила уверенно — видно, что тему завуч знала лучше всех в школе.

— Этапов у олимпиад много, — продолжила она, — есть школьный, есть муниципальный, региональный... Но мы сейчас говорим именно о муниципальном — то есть о городском уровне. И да, такие достижения учитываются при поступлении, особенно если ребёнок подаёт документы в спортивные, педагогические или медицинские вузы. Список немаленький.

Я задумался. Да, звучит логично. Фактически — то же, что в боксе или в любом другом спорте. Сначала ты определяешь лучших внутри клуба, потом отправляешь их на городские соревнования.

Соня, уже войдя во вкус объяснений, продолжила:

— Если бы речь шла о региональном уровне олимпиады или, тем более, о заключительном всероссийском этапе... Вот тогда школьникам бы светили реальные, серьёзные льготы. Главная цель любого олимпиадника — это диплом призёра или победителя заключительного этапа ВсОШ. Он даёт БВИ.

БВИ, ВсОШ, льготы, этапы... Всё это звучало как на китайском языке. Соня тут же заметила моё выражение лица и поспешила пояснить:

— В смысле, Володь... — она слегка улыбнулась, — БВИ — это поступление без вступительных испытаний. На бюджет. В любой вуз по направлению, которое соответствует профилю олимпиады.

— Понятно... — ответил я, хотя никакой особой ясности это не добавило.

Интересно, занимательно, красиво звучит, но всё это явно не про мой запрос. Я улыбнулся и вернул разговор в нужное русло:

— Соня, всё это, конечно, потрясающе. Но давай ближе к делу. Если говорить конкретно о наших ребятах и девушках... что они получают реально, а не в перспективе космического будущего?

Соня замялась, размышляя над ответом. Я же уже примерно понял, что услышу. Пускай сама дойдёт до вывода, даже если этот вывод очевиден.

Завуч молчала несколько секунд, а я ждал внятного ответа. И Соня, наконец, его выдала.

— Ну... так-то они смогут перейти на следующий этап олимпиады, — сказала она, пожав плечами. — И уже там бороться за более высокие места. А пока... пока результаты этой Олимпиады нужно будет подтверждать результатами ЕГЭ. Обычно надо набрать выше семидесяти пяти баллов, но каждый вуз может выставить свою планку...

— Понятно, — заверил я. — То есть всё ровно так же, как и у нас, у учителей. Олимпиада на общественных началах. Вы участвуйте, а вам за это ничего не будет, кроме «спасибо» и грамоты в рамочке, которую потом пылью припорошит?

Соня закусил губу, опустила глаза и, после короткой паузы, всё-таки кивнула.

— Ну... да, Володя. По-честному — да. Ни учителям, ни детям за муниципальную олимпиаду ничего не положено.

— Ладно, — хмыкнул я. — Тогда пойду. Попробую объяснить ребятам, что значит участвовать, когда тебе за это ничего не обещают. Это будет, конечно, весёлый разговор.

— Мне кажется... у тебя получится их замотивировать, — вздохнула Соня, снова чуть смутившись.

Я развернулся, взялся за ручку и потянул дверь на себя. Открывал чуть резче, чем нужно — мысли уже были в спортзале, возле ребят. И в этот момент с обратной стороны вдруг раздалось короткое «Ай!». А следом... глухой, отчётливый удар о пол, судя по всему, пятой точки.

Мы с Соней переглянулись. Завуч напряглась, будто уже знала, кто там может быть... Я же был готов увидеть всё, что угодно.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.